

ПРОЕКТ
«Реформаторы
образования»

«Окна
возможностей»
Владимира
Наводнова

Может показаться, что за почти 30-летнюю карьеру, связанную с построением в нашей стране системы оценивания в сфере образования, Владимир Наводнов неоднократно находился в ситуациях, которые очень хочется назвать критическими. Иной раз «зигзаги» государственной политики в области высшего образования были настолько крутыми, что многие связанные с ней системы, в том числе, аккредитации, могли оказаться на грани как минимум кардинальных реформ. Как, например, произошло недавно, когда министр науки и образования РФ Валерий Фальков объявил о том, что Россия, несколько десятилетий достаточно болезненно пытавшаяся интегрироваться в Болонский процесс, в связи с недружественным отношением к ней со стороны целого ряда западных стран теперь пойдет «своим путем».

И поскольку интервью, **посвященное 70-летию директора Национального центра профессионально-общественной аккредитации Владимира Наводнова**, состоялось буквально через несколько недель после этого заявления, меня больше всего интересовала реакция Владимира Григорьевича на отказ европейских коллег сотрудничать с российскими аккредитаторами. Ведь, казалось бы, только-только всё наладилось... Удивительно, но собеседник был обаятельно улыбчив, абсолютно спокоен и, более того, уже имел обновленную стратегию развития независимой аккредитации в нашей стране. Наверное, именно поэтому коллеги отзываются о Владимире Наводнове в первую очередь как о замечательном стратеге. А если стратег является еще и профессиональным математиком, можно не сомневаться в том, что у него все просчитано.

Работать не «в стол»

? АО. Владимир Григорьевич, вас по праву называют одним из основных разработчиков системы аккредитации в нашей стране – как государственной, так и впоследствии профессионально-общественной. Однако до того, как посвятить себя разработке отечественной системы оценки качества образования, вы активно занимались преподавательской деятельностью. Чем же так привлекла тема аккредитации преподавателя и ученого-математика, заставив его переключиться с одного вида деятельности на другой?

– После защиты кандидатской диссертации на тему «Пространства векторнозначных и операторнозначных функций и их применение к аналитическому представлению операторов» фактически я оказался на развилке – чем дальше заниматься? Продолжить исследования по теме кандидатской диссертации или поискать новую сферу деятельности? Думаю, в мире найдется в лучшем случае несколько десятков математиков, которые поймут тему этого исследования и смогут высказаться по ней. Признаться, тяжело, когда тебя не понимают, и ты работаешь фактически «в стол». Определиться помогла научная стажировка в 1987 году в Лейденском университете (Нидерланды) под руководством академика Голландской академии наук, профессора А.Заанена. Я тогда оказался в великолепной библиотеке Лейденского университета для изучения научной литературы, которой в Советском Союзе в то время не было. В том числе, познакомился с теорией датского математика Раша о тестировании учебных достижений студентов, имевшей огромное практическое применение. Тема очень увлекла, захотелось построить процедуру массовой оценки учебных

достижений у нас в стране. Идею поддержали на региональном уровне в Республике Марий Эл, и в середине 90-х годов мы провели здесь так называемый «объединенный экзамен», ставший прообразом будущего ЕГЭ. В технологическом плане уже тогда удалось решить многие интересные задачи.

На одной из научных конференций я познакомился с Валерием Игоревичем Мешалкиным, занимавшим должность заместителя руководителя Управления лицензирования, аккредитации и нострификации Госкомвуза России, и он предложил расширить тематику исследований – заняться технологией оценивания не только достижений студентов в форме тестирования, но и достижений образовательных программ и организаций. Идея показалась интересной, увлекла, сформировался коллектив единомышленников. Так мы пришли к тому, что сейчас называется аккредитацией.

В 1992 году вышел закон об образовании, в котором были прописаны процедуры лицензирования, аккредитации, аттестации и нострификации. Все понимали, что такое лицензирование и нострификация, аттестация тоже была всем привычна, но об аккредитации никто не знал. Министерство образования до 1994 года пыталось разобраться с этим вопросом, создавало различные коллективы, но у них ничего не получалось. Валерий Игоревич предложил нам заняться решением этой задачи, и мы с энтузиазмом взялись за нее. Она была поставлена в 1994 году, а уже в 1995-м прошли первые «смотрины», когда в Йошкар-Олу приехали два заместителя министра образования, и по результатам визита был создан Центр государственной аккредитации. В 1997 году состоялась первая аккредитационная коллегия. Так процедура начала работать.

Период «драйва»

? АО. С какими непростыми, но интересными задачами и вызовами вам как ученому и организатору пришлось столкнуться при разработке этой абсолютно новой для страны процедуры?

– Создание любых социальных систем, в том числе и аккредитации – труд многих специалистов. Они играют разную роль, имеют неодинаковую степень вовлеченности, но тут как в футболе – каким бы хорошим футболист не был, одного человека на игровом поле недостаточно. При разработке системы государственной аккредитации это было

особенно актуально на первых этапах, когда исследовательская задача напоминала русскую народную сказку: «Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что». В математике можно четко сформулировать задачу, но в социальных сферах такое сделать практически невозможно.

Большая удача, что мне повезло работать в командах таких замечательных специалистов своего дела, как Валерий Игоревич Мешалкин, Борис Александрович Савельев, чуть позже – с Еленой Николаевной Геворкян, а также с двумя заместителями министра образования, академиками Владимиром Дмитриевичем Шадриковым и Виктором Александровичем Болотовым. Помимо них посчастливилось сотрудничать на различных этапах с большим числом коллег, каждый из которых внес существенную лепту в построение системы госаккредитации. Особенную роль в этом сыграли Владимир Жанович Куклин, впоследствии доктор наук, и мои ученики, будущие доктора наук, заканчивавшие у меня докторантуру, – Галина Николаевна Мотова и Михаил Вячеславович Петропавловский.

Период, когда началась разработка государственной аккредитации, был периодом «драйва» – ведь мы были причастны к созданию чего-то нового, важного и полезного для системы образования страны. При этом, ощущалась большая поддержка и от министерства образования, в котором с нас не только жестко спрашивали, но и помогали, и от вузовской общественности – так как зарождавшимся новым вузам, чтобы встать на ноги, нужна была процедура аккредитации. Многие вузы активно включались в обсуждение и апробацию новых идей. Нам понадобилось около трех лет, прежде чем госаккредитация из теоретических размышлений воплотилась в реально работающую технологию.

Эти события происходили в 1990-е годы, к которым приклеилось слово «лихие», но я те времена сравнил бы с «окном возможностей» – трудно представить, чтобы в другие годы небольшой команде энтузиастов из периферии предоставили возможность решать важные государственные задачи. Так что для нас период 1994-1997 годов был периодом исследования, изучения, обсуждения российского и международного опыта, теории, практики и внедрения новой модели. В это время создавалась научная школа, было защищено много кандидатских и четыре докторские диссертации. Работа шла обстоятельная. Мы регулярно проводили «мозговые штурмы», в том

числе на территории Республики Марий Эл, куда приглашали ключевых министерских работников, начальников управлений. Буквально за 7-10 дней семинара рассматривали все накопленные к этому моменту наработки – за неделю удавалось сделать больше, чем за несколько месяцев работы в тишине министерских кабинетов.

К нам на семинары регулярно приезжал первый заместитель министра образования РФ Виктор Александрович Болотов, четко ставивший перед нами задачи и определявший направления движения. Побывал в созданном позднее центре государственной аккредитации и министр образования Владимир Михайлович Филиппов. В те годы были заложены основы системы государственной аккредитации, проработавшие почти 15 лет – вплоть до 2012 года, пока не вышла новая версия закона «Об образовании в РФ», которая в соответствии с требованиями времени внесла в них существенные изменения.

? **АО. Правда ли, что российская система аккредитации в образовании была разработана раньше, чем в Европе?**

– Это действительно так. В конце 1990-х – начале 2000-х мы существенно опережали европейские страны, которые взялись за построение национальных систем аккредитации только после подписания Болонской декларации в 1999 году.

? **АО. Что же сподвигло Россию?**

– Если помните, в 1990-е в стране вообще была очень тяжелая ситуация, и перед системой образования ставилась задача сохранить молодежь, поскольку работать ей было негде. Вопрос перед государством возник острый: либо строить тюрьмы, либо открывать вузы, чтобы усадить молодых людей за студенческие парты. В этом контексте взрывной рост количества высших учебных заведений в те годы оказался стране «на руку». Но, логично, что этот же рост привел к насущнейшей необходимости: решить вопрос, как в новых условиях оценивать и обеспечивать качество высшей школы. А поскольку государство у нас традиционно было централизованным, то и система оценки и гарантии качества создавалась как государственная. Кстати, по этой же схеме позже пошли почти все страны бывшего Советского Союза, но быстро от нее отказались, и сегодня Россия – единственная страна в мире, сохранившая систему госаккредитации.

Шесть принципов оценивания

? АО. На каких основных принципах строилась система государственной аккредитации до момента, когда в 2012 году в законодательстве произошли перемены?

– Я бы отметил шесть главных принципов, первым из которых является институциональный характер оценивания. Это очень важный принцип, от которого впоследствии отказались. Он предполагает, что органы оценивания не углубляются в детали работы вуза, а оценивают только то, как система функционирует в целом. Это основной принцип, и между прочим, будь моя воля, при государственном оценивании вернулся бы к нему и сейчас, отказавшись от превалирующего ныне программного подхода.

Второй принцип – небольшое число системообразующих аккредитационных показателей, когда формируется до 10 показателей, четко задающих вектор развития учебного заведения, и вузы ему следуют.

Третий – использование статистики для определения пороговых значений. Интересный и, казалось бы, интуитивно понятный принцип, но до создания системы аккредитации его не было. Сейчас его стали использовать, в частности, при мониторинге эффективности. Но он появился еще тогда, при создании системы госаккредитации.

Четвертым я назвал бы принцип «четырёх шагов», аналогичный международным практикам. Суть его в том, что процедура аккредитации включает в себя самообследование, внешнюю экспертизу, коллегиальное принятие решений (на специально созданном совете – аккредитационной коллегии), а также открытую публикацию отчетов с достижениями и рекомендациями по совершенствованию. К сожалению, о последнем шаге забыли, и последние 9-10 лет решения принимаются без открытости.

На пятом месте ноу-хау того времени – активное использование информационных технологий. Впервые была создана база данных государственной аккредитации, что было своеобразным прорывом.

И завершает список принципов интересный документ, который получил название «Представление вуза к аккредитации», готовившийся по результатам самообследования и внешней экспертизы каждого учебного заведения.

? АО. Какую систему аккредитации строить оказалось сложнее – государственную или профессионально-общественную?

– Наверное нет корректного ответа на этот вопрос. Построение госаккредитации было абсолютно новым, неизведанным явлением, все делалось впервые. Но была и помощь министерства, какой-никакой административный ресурс – вузы прислушались. Профессионально-общественная же аккредитация строилась без админресурса, что на самом деле правильно! Не было помощи ни со стороны министерства, ни от Рособрнадзора, и это в действительности тоже хорошо – выстраивается независимая аккредитация, она и должна быть независимой!

И все-таки госаккредитацию строить было сложнее, поскольку для профессионально-общественной уже был накоплен опыт, выстроены связи, в том числе международные, – мы работали со многими агентствами, смотрели, как проводится процедура за рубежом. Поэтому в основу профессионально-общественной аккредитации были заложены международные стандарты качества.

«Планов много...»

? АО. Владимир Григорьевич, поделитесь, пожалуйста, своими профессиональными планами на ближайший год и, если не секрет, на более далекую перспективу.

– Видимо, человек так устроен, что в стрессовой ситуации он начинает активнее работать, искать новые подходы, ставить и решать задачи, которые раньше невозможно было и представить. Сейчас такая же стрессовая ситуация, как в 1990-е годы и начале 2010-х. И она заставляет искать ответы на новые вызовы. Думаю, что сегодня снова открывается «окно возможностей», а в такое время можно добиться очень многого. Это философский подход, и мы ему следуем.

Но если говорить более приземленно, мне хотелось бы больше заниматься научными исследованиями. Аккредитационная работа занимает очень много времени. Хотелось бы больше писать научных статей, математически проработать процедуры агрегирования и, наконец, завершить недописанную монографию. Планов много, но большую часть моего времени, конечно же, занимает работа, направленная на развитие процедур оценивания в сфере образования. Не сомневаюсь в том, что наш коллектив способен внести свою лепту в это важное дело, от которого зависит не только качество образования в России, но и его престиж на международной арене.

**Беседовал
Алексей Батанов**